

ПОГОВОРИТЬ НИ О ЧЕМ

Текст: Майк Гелприн

РАСП УПЕР МАНИПУЛЯТОРЫ В БОКА, критически осмотрел Дефа и произнес задумчиво: – Четыре тысячи триста девятнадцать лет, шесть месяцев и два дня по местному летоисчислению. Это ужасно. К тому же я округлил в меньшую сторону, отбросив часы и минуты с секундами.

Деф не понял, он был туповат. Особенно в сравнении с Распом, который легко оперировал цифрами, мгновенно совершал сложные подсчеты и умел делать выводы в зависимости от результатов.

– Откуда взялись цифры? – спросил Деф. – И зачем округлил?

Расп махнул левым манипулятором и прикрыл глаза защитными пластинами.

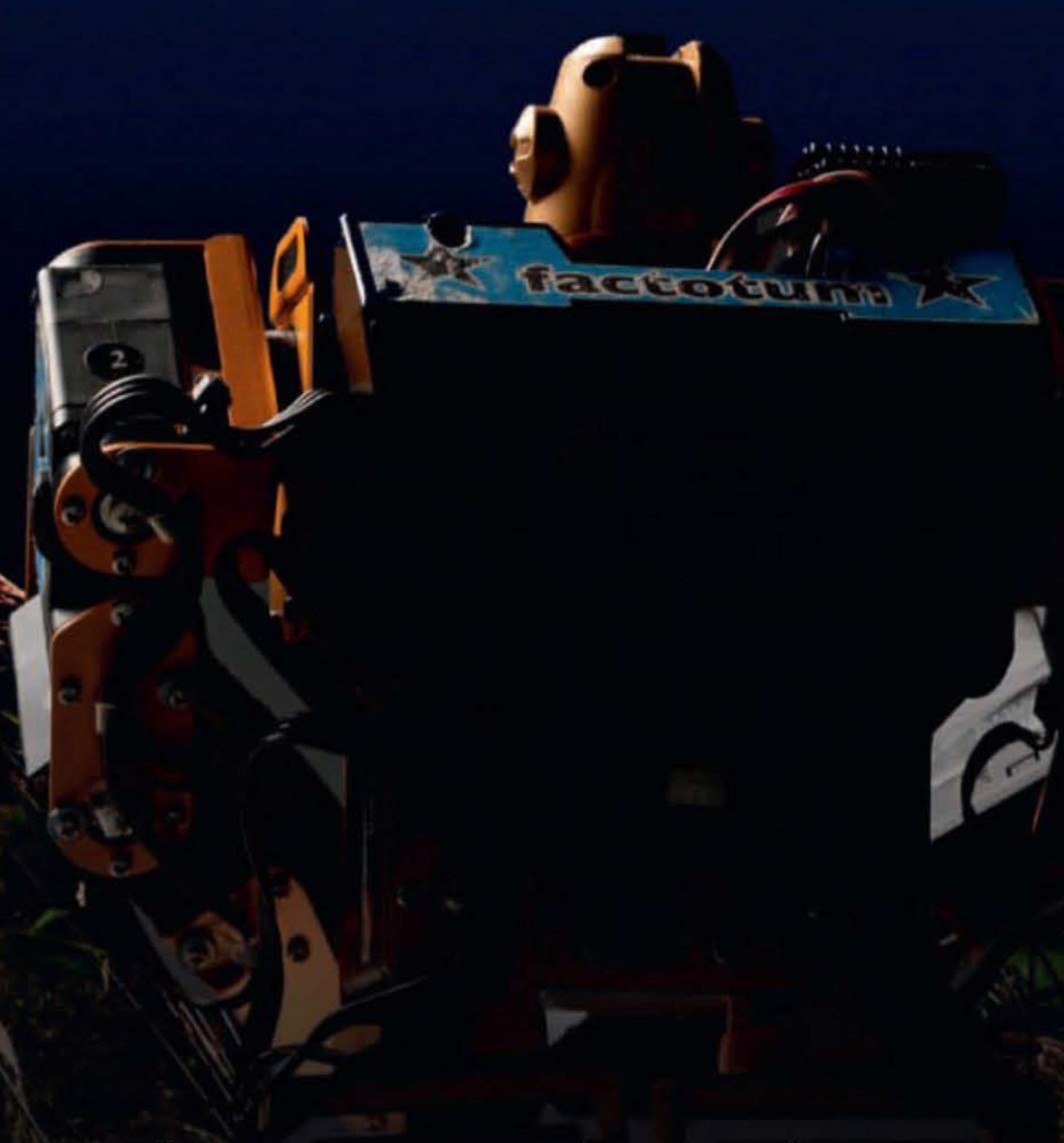
ЦИВИЛИЗАЦИЯ – Столько времени, мой недалекий друг, мне придется провести в твоём обществе. Цифры взялись из элементарного подсчета. Запас плазменных батарей на складе, умноженный на срок действия батареи, поделенный на два по числу потребителей. Округлил по слабости – чтобы уменьшить срок.

Деф осмыслил сказанное. Как округление может уменьшить срок, он не понял. Зачем его уменьшать – тоже.

– Круто, – сказал Деф. – Ты отличный парень, Расп. Башковитый.

Расп досадливо покачал головой.

– У тебя отвратительный лексикон, – поведал он. – Жуткий, примитивный речевой

МАЙК ГЕЛПРИН (РОД. 1961) – ИЗВЕСТНЫЙ РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ПИСАТЕЛЬ-ФАНТАСТ, НЫНЕ ЖИВУЩИЙ В США, МАСТЕР МАЛОЙ ФОРМЫ. АКТИВНО ПИШЕТ С 2005 ГОДА, ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ОПУБЛИКОВАЛ В РАЗЛИЧНЫХ АНТОЛОГИЯХ, АЛЬМАНАХАХ, ЖУРНАЛАХ БОЛЕЕ ПОЛУСОТНИ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ.

РУСТАН ГУСЕЙНОВ; GETTY IMAGES/ФОТОБАНК

центр. Убогий, я бы сказал. Не понимаю, зачем Ключевский поставил тебе такой.

– Поговори с ним, – пожал плечами Деф. – Спроси. Я тоже не понимаю.

Расп убрал с глаз защитные пластины и долго молча смотрел на Дефа.

– Я сначала подумал, что ты шутишь, – сказал наконец Расп. – Потом вспомнил, что ты не умеешь шутить. Поговорить с Ключевским, надо же...

– Я часто говорю с Уокером, – возразил Деф. – Что тут такого? Ты тоже можешь поговорить со своим другом.

Расп схватился за голову и косолапо побежал прочь. Деф недоуменно смотрел ему в спину, затем вновь пожал плечами и отправился в круговой обход.

Обход он совершал ежедневно, следуя однажды разработанному маршруту и никогда не отклоняясь. По завершении обхода Деф делал запись в электронном бортовом журнале. Сегодняшняя запись была по счету девятьсот шестнадцатой. «Опасности не обнаружено», – ввел Деф и сравнил запись с девятьсот пятнадцатью предыдущими. Убедился в полной идентичности и с осознанием выполненного долга отправился к Уокеру.

Уокер был там, где Деф его похоронил – в рефрижераторном отсеке пищевого процессора. Он отлично сохранился, и в смотровое окошко Деф видел лицо Уокера, как обычно волевое и спокойное.

– Привет, – поздоровался Деф, – это я, Дефендер.

Уокер, в отличие от прочих, всегда называл Дефа полным именем, в знак уважения. Он был офицером безопасности и Дефа ценил. Не то что остальные, которые то и дело ворчали, что, мол, во время полета защитник не нужен. И надо бы его законсервировать, а то вечно путается под ногами, мешая работать.

– Как ты, Уокер? – спросил Деф.

Уокер, как всегда, не ответил, но Деф ответа и не ждал.

Чем отличается живой человек от мертвого, он знал. В конце концов, это знание было частью его профессии.

– Скоро три года, как мы здесь, – сообщил Деф. – Опасности не обнаружено.

Уокер вновь промолчал.

– Мне нечего здесь делать, – пожаловался Деф. – Некого защищать. Разве что крылатых.

Дефу показалось, что Уокер улыбнулся. Он резко приблизил глаз к смотровому окошку и сфокусировал зрение. Ошибся, понял Деф мгновение спустя. Тонкие бескровные губы Уокера по-прежнему были плотно сжаты, глаза закрыты.

Крылатыми Деф с Распом называли местных насекомых. Крупных, взрослая особь была Дефу по щиколотку. Крылатые частенько навевались в гости, а в последние дни так вовсе прилетали регулярно, по вечерам. Расп объяснил, что у них, видимо, выработался приобретенный инстинкт. Что такое приобретенный инстинкт, Деф не знал и остался к объяснению равнодушным.

– Я думал, что клево пошутил, – сказал Деф виновато. – «Защищать крылатых», думал, тебе будет смешно. Расп прав, я не умею шутить.

Он поднялся, постоял с минуту недвижно.

– Пойду, – сказал он. – До завтра, Уокер.

«ПОГОВОРИТЬ С КЛЮЧЕВСКИМ, КАКОВО, А?! С Ключевским, – навязчиво думал Расп, продираясь сквозь сплетения лиан, обильно растущих в окружающем корабль лесу. – Настоящий кретин этот Деф, надо же – поговорить, хорошо не потанцевать».

Нет, конечно, с живым Ключевским Расп говорил много и с удовольствием. Тот часто пользовался встроенными в Распа библиотеками и фильмотеками, иногда они вместе смотрели фильм-другой, иногда спорили, обсуждая роман или новеллу. Ключевский был веселым человеком, юморным, он охотно смеялся над рассказанными Распом

Комментарий «ПМ»: ПАЛЕОКОНТАКТ

Через много тысяч лет к описанным в рассказе событиям, вероятно, добавится множество живописных подробностей. Вполне возможно, что Дефа и Распа будут почитать как великих богов, пришедших с небес и передавших крылатым основы ремесел, науки и технологии.

► В изображении, вырезанном на плите саркофага правителя майя Пакаля (VII век н.э.) из Храма Надписей в Паленке (Мексика), фон Деникен видел «космонавта в скафандре за пультом управления ракетой». Между тем археологи указывают, что эта картина вполне типична для искусства майя тех времен и изображает Пакаля в момент перехода между миром живых и миром мертвых. Никакого скафандра на нем нет (он полностью обнажен), а есть только украшения.

Подобные легенды есть у многих земных народов, что и породило гипотезу о палеоконтакте, то есть о том, что в древности нашу планету посещали представители высокоразвитых внеземных цивилизаций. Многие писатели-фантасты активно использовали эту плодотворную идею, однако ученые относятся к ней довольно скептически. Сторонники идеи палеоконтакта приводят в качестве доказательства многочисленные «артефакты» – от гигантских построек типа египетских пирамид до рисунков и статуэток «людей в скафандрах».

► Одним из главных сторонников идеи палеоконтакта, благодаря которому эта гипотеза приобрела широкую известность среди падкой на сенсации публики, стал швейцарский писатель Эрих фон Дзеникен, опубликовавший на эту тему более двух десятков книг. Самая известная из них – «Колесницы богов» (1968).

► Между тем многие ученые указывали на то, что Дзеникен весьма вольно обращается с фактами, а в 1976 году Рональд Стори (в сотрудничестве с Туром Хейердалом и Карлом Саганом, написавшим предисловие) выпустил книгу «Разоблачение космических богов», где подробно разобрал сомнительные «доказательства» фон Дзеникена, показав, что приведенные им примеры прекрасно объясняются совершенно земными причинами, без привлечения гипотетических космических пришельцев.

анекдотами. В шахматы он тоже играл вполне сносно и иногда сводил партии вничью.

– Когда я выиграю у тебя, дружище, – говорил Ключевский, похлопывая Распа по плечу, – тогда и наступит конец света. Расп знал, что Ключевский шутит, но на всякий случай не проигрывал. Из суеверия. То ли дело ничья – Распу ничего не стоило невзначай зевнуть пешку-другую, и партнер всякий раз оставался доволен.

Расп вспомнил, как рвался тогда, сразу после катастрофы, в каюту Ключевского. Сминая переборки, круша кулачищами загроможденное проходы оборудование. Каюты были в третьем отсеке, а Распа катастрофа застала в седьмом, на кухне, где и положено перед обедом находиться роботу-распорядителю. Расп знал, что Ключевский мертв, как и весь экипаж. Он не мог пережить столкновения, не говоря о разгерметизации. И тем не менее Расп бежал. На полную задействовав силовые блоки, а блок самосохранения обесточив.

Ключевского он не стал хоронить в конвертере, так же, как Деф не понес туда Уокера. То, что осталось от Ключевского, было сейчас в запаянном вольфрамовом ящике на складе. Расп, когда посещал склад, иногда останавливался у ящика и проводил молча, понурившись, минуту-другую. Однако говорить с покойником ему бы и в голову не пришло, в конце концов, это походило бы на кощунство...

Высоченные, с гладким, будто полированным стволом дерева, которые Расп для себя окрестил пальмами, росли километрах в пяти от места падения корабля. Здесь было их великое множество, целая пальмовая роща. Расп выбрал одно с краю, осторожно, чтобы не повредить ствол, зафиксировал на нем манипуляторы и потряс. Плоды, каждый размером с голову Распа, попадали на землю. Подобрал с полдюжины, он понес добычу к кораблю.

Крылатые, как всегда, прилетели под вечер. Расп насчитал около полсотни особей. Недовольный, ворчащий себе под нос Деф задействовал лазерный резак и один за другим раскроил плоды напополам.

– Делать тебе нечего, – бормотал Деф, наблюдая, как Расп кормит крылатых рыхлой пористой начинкой.

Расп был согласен. Делать ему и в самом деле было нечего. Кормить было одной из его основных функций, и не выполнять ее он не мог – так же, как Деф не мог не совершать бессмысленный ежедневный обход. Объяснять этому дураку, впрочем, было нелепо, все равно ничего не поймет, так что Расп кормил крылатых, не обращая особого внимания на недовольное бурчание за спиной.

– Расп, – в который раз сказал Деф, когда гости, расправившись с плодами и вдоволь налетавшись по корабельным коридорам, наконец убрались. – Ты бы посчитал шансы...

– Данных недостаточно, – заученно ответил Расп.

Шансы, что их найдут, он посчитал в первый же день, сразу после того, как корабль сел, а вернее сказать, свалился на эту планету. Количество нулей после десятичной точки было таково, что Распу пришлось задействовать запасной регистр – на экране встроенного монитора нули не помещались. Сообщать об этом Дефу, однако, было

неразумно – кто знает, не наложит ли безмозглый чурбан на себя конечности, узнав, что шансов практически нет. С него станется. И уж лучше провести четыре тысячи с лишним лет в обществе, чем восемь с лишним – в одиночестве. Даже если общество, мягко говоря, не самое изысканное.

2.

– ПРИВЕТ, – ДЕФ ЗАГЛЯНУЛ В СМОТРОВОЕ ОКОШКО, убедился, что никаких изменений в лице Уокера не произошло, и уселся, прислонившись к рефрижераторной установке спиной. – Это я, Дефендер.

Уокер, по обыкновению, не ответил.

– Ровно пятьдесят тысяч, – сообщил Деф. – Как тебе это?

Он немного подождал. По поводу такого круглого числа Уокер мог бы и сказать что-нибудь, даже будучи мертвым. Уокер, однако, говорить ничего не стал, но Деф не обиделся.

– Ничего, – сказал он. – Я и не думал, что ты спросишь, какие такие пятьдесят тысяч. Я тебе сам скажу. Это количество записей в бортовом журнале. Значит, мы здесь уже пятьдесят тысяч дней. Знаешь, что я сегодня написал?

Уокер промолчал.

– Правильно, – кивнул Деф. – «Опасности не обнаружено». Да, еще кое-что. Крылатые обнаглели. Рассказать?

Деф нагнулся к смотровому окошку. Уокер остался невозмутим, но Дефа это не обескуражило.

– Вчера один огрел меня палкой. По черепу. Представляешь, Уокер?

Уокер не ответил, и Деф поднялся.

– Пойду, – сказал он. – До завтра, Уокер.

РАСП ПРОДРАЛСЯ ЧЕРЕЗ ЛИАНОВЫЕ ЗАРОСЛИ, миновал пальмовую рощу, вброд пересек разлившийся мутный ручей и углубился в редколесье. Здесь начиналась территория, на которой жили крылатые. За последний десяток лет их популяция заметно увеличилась. Гнездовья теперь были чуть ли не на каждом дереве, а на некоторых лепились к стволам и веткам по несколько.

Расп остановился, и через минуту крылатые слетелись к нему, расселись на плечах, на черепе, один, самый шустрый, взгромоздился на нос.

– А я тебя узнал, чертяка, – добродушно проворчал Расп. – По сиреневому узору на крыле. Это ты вчера носился по коридорам с дубинкой, а? Лампочку едва не расколотил. Ты это прекращай, дружище, лампочек у нас дефицит. Самим же будет неприятно, если в коридорах станет темно.

Винючник никаких признаков раскаяния не обнаружил, почесал левое крыло правой конечностью и взлетел.

– Ну-ну, – сказал Расп. – Прощелыга.

Он, стараясь ступать осторожно, побродил по редколесью, нашел с полдюжины упавших гнездовий, прилепил их одно за другим к стволам. Понаблюдал за привычной суетой выкармливающих потомство мамаш и потопал обратно к кораблю.

У развороченного шлюза Расп обнаружил Дефа, деловито распиливающего пальмовый ствол лазерным резакком.

Ствол был не первым: в отдалении красовались аккуратно сложенные в поленницу чурбаки.

– Что с тобой, мой недалекий друг? – обеспокоился Расп. – Откуда взялись эти деревья?

– Спил, – Деф сложил новые чурбаки в колоду и потащил к поленнице.

– Могу я спросить зачем?

– Улей строю.

– Что? – изумился Расп. – Какой улей, позволь узнать? Для кого?

– Для этих, – Деф кивнул на лес. – Для крылатых.

Расп всплеснул манипуляторами.

– У тебя что, блоки окислились? – повысил он уровень звука в динамиках. – Они же не пчелы, сколько раз тебе повторять! Они вообще не вполне насекомые, скорее, нечто среднее между ними и птицами. С чего ты взял, что крылатые будут жить в улье? И вообще, даже если они будут в нем жить, зачем это нам?

Деф аккуратно сложил чурбаки в поленницу и привычно пожал плечами.

– Почему нет, – сказал он. – Может быть, им понравится.

3.

– СЮДА ТАЩИТЕ, – распорядился Деф, размахивая манипуляторами на манер ветряной мельницы. – Бестолочи.

Крылатые и в самом деле вели себя довольно бестолково. Если бы Деф мог уставать, он давно бы уже выдохся, по сотому разу пытаясь жестами объяснить, куда прилаживать стропила. Восемь крылатых битые полчаса выписывали в воздухе пируэты, но так и не могли попасть торцом доски в пазы.

– Все самому делать надо, – проворчал Деф, потянулся, отобрал доску и аккуратно ее приладил. – Следующую несите, – велел он.

Расп, скрестив манипуляторы на груди, философски наблюдал за строительством.

Город вокруг погибшего корабля разрастался. Ульев, как по-прежнему упрямо именовал дома Деф, было уже за сотню. Крылатые гнездились в них, насколько Расп мог судить, семьями.

Новые жилища заселялись мгновенно, и строительство кипело теперь денно и ночью, прерываясь лишь на пару часов, пока Расп с Дефом проводили друг другу ежедневную профилактику.

– Могу чем-нибудь помочь? – ледяным тоном осведомился у Дефа Расп. – Глаза болят смотреть, как ты тут надрываешься.

Строитель из Распа был никудашный, однако стоять без дела, пока другие работают, он не хотел.

– Вон то окошко поправь, – проявил понимание Деф, – что-то оно кривовато.

Расп, приняв независимый вид, занялся кривоватым окошком.

У Дефа на правку ушло бы секунд пять, Расп мечтал справиться за час. К тому же мешали крылатые, норовящие усесться на плечо, а то и на ладони. Особенно надоедал один, приметный, с зеленоватым разводом у основания правого крыла. Он, казалось, желал у Распа в сочленениях поселиться.

– Полетал бы ты, а? – взмолился Расп, когда крылатый стал особенно назойливым. – Жучков бы поискал или там сливы. Любишь сливы?

Крылатый, проигнорировав вопрос, пристроился у Распа на черепе. Почистил крылья, взмахнул ими пару раз и вдруг произнес:

– Рсп.

– Что?! – Расп опешил. – Ты э-э... сказал что-то?

– Рсп, – повторил крылатый. – Дф. Рсп. Дф. Рсп.

Расп от изумления грузно опустился на задний фасад. Он не мог поверить. До сих пор крылатые издавали лишь невнятное жужжание и никаким даром речи не обладали. И так на протяжении пяти местных веков.

– Ты что же, назвал нас по именам? – уточнил Расп ошеломленно.

– Рсп, – повторил крылатый и кивнул. – Дф.

– Деф, иди сюда! – заорал Расп во все динамики. – Деф, черт побери, послушай этого парня!

4.

– ДЕ-РЕ-ВО. ПОВТОРЯЮ ПО БУКВАМ. Д. Е. Р. Е. В. О. ВСЕ ПОНЯЛИ? –

Расп возвышался в центре импровизированного класса на манер монумента самому себе. – Молодцы. А теперь все вместе. Де-ре-во. Отлично. Пишется это слово так...

Деф присел на корточки и отключил трансивер. Ему казалось, что от разноголосицы у него болит голова. Идею Распа открыть школу он одобрил и теперь сильно раскаивался. Классы длились сутки напролет, в шесть смен, и за счет них страдало строительство.

– Плохо дело, Уокер, – жаловался Деф другу во время ежедневного визита. – Я опять не сильно-то и нужен.

Уокер, как обычно, молчал.

– Обходы я забросил, – поведал Деф уныло. – Попробуй обойди все это, недели не хватит.

Город разросся. На юге он уперся в океанский берег, на западе – в подножия холмов, с которых начиналась внушительная горная гряда, а на север и на восток продолжал расти. Дома теперь крылатые строили сами, Деф лишь мастерил столярные инструменты и чинил прохудившиеся.

В полусотне километров от центра города, которым стало место падения корабля, Деф обнаружил магнетитовое месторождение. Сейчас он подумывал о строительстве кузниц – запасы металла на корабле за полторы тысячи лет заметно уменьшились. Деф обсудил эту идею с Распом, и тот обещал произвести необходимые расчеты, но тянул вот уже добрую сотню лет – слишком увлекся этой своей школой.

– Я вот что думаю, Уокер, – сказал Деф осторожно. – Надо бы мне самому подучиться, как ты считаешь? Посидеть пару-тройку лет на классах, может, и будет толк. Боюсь только, что новые знания заместят старые. И тогда пострадает безопасность. Как думаешь?

Уокер промолчал. Как обычно.

– Не одобряешь, – заключил Деф. – Ладно, останусь неучем. Ты прав, мало ли что.

5.

СТАРЫЙ ВЕР ОПИСАЛ ВОКРУГ ГОЛОВЫ РАСПА КРУГ ВЕЖЛИВОСТИ, приземлился и сложил крылья в знак уважения к собеседнику. Свита опустила на траву поодаль. Был Вер президентом республики, его переизбирали уже на шестой срок.

– Слушаю тебя, дружище, – произнес Расп ритуальную фразу.

– Я за советом, Единственный, – Вер поклонился. – И за помощью.

Расп укоризненно покачал головой.

– Просил ведь не называть меня так, – сказал он. – «Друг» – прекрасное слово, почему бы тебе не пользоваться им?

– Прости, Единственный, – Вер упрямо гнул свое. – Позволь мне изъясняться так, как делали мои предки.

– Я знал твоих предков, – проворчал Расп. – Твой прадед был очень демократичным человеком. Я хотел сказать, демократичным крылатым. Он говорил «друг».

Ладно, что уж там. Чем могу быть полезен?

– На востоке беда, Единственный. Черные варвары третьего дня смяли пограничные посты. Вчера сожгли два города и теперь продвигаются в глубь страны. Это уже не налет, Единственный, это война.

Черными варварами цивилизованные крылатые называли племя, отделившееся и улетевшее на восток около шести веков назад. С тех пор время от времени они совершали налеты на пограничную полосу. Убивали, грабили, предавали огню города.

– Понятно, – протянул Расп расстроено. – Надо же, какое несчастье. Но это не ко мне, дружище. Войнами занимается Деф. Его сейчас нет, отправился инспектировать южные гавани. Я пошлю гонцов, к вечеру Деф вернется.

– Спасибо, Единственный. Мы надеемся на вас со Вторым.

– Здесь следует заложить линию обороны, – распорядился Деф. – По всей длине, от моря до гряды.

– Ты сможешь нам, Второй? – Вер согнулся в поклоне.

– Куда я денусь. Вдоль линии следует выстроить стену, непременно с бойницами для копейщиков и башнями, где будут укрываться арбалетчики. Стена должна быть достаточно высокой, чтобы отразить атаки как с земли, так и с воздуха. Что? Неважно, сколько лет на это уйдет. Да хоть сто, хоть двести. Начинать надо прямо сейчас, если хотите жить в безопасности.

– Позволь вопрос, Второй, – Вер вновь поклонился.

– Спрашивай.

– Почему ты не сможешь нам огнем и мечом? В твоей власти срывать горы и валить леса. Варвары не стали бы нападать на нас, если ты хоть раз показал бы им свою силу. Деф потупил глаза.

– Я не могу ответить, – сказал он. – Извини.

– Это ты извини меня, Второй.

Законы робототехники, заложенные в управляющие программы, не позволяли Дефу причинить вред разумному существу. Заставить себя умертвить мыслящее создание Деф был не в силах.

6.

– ОСТАЛОСЬ ЧУТЬ БОЛЬШЕ ТРЕХСОТ ЛЕТ, РАСП? Я ПРАВИЛЬНО СОСЧИТАЛ?

Деф сидел в украшенном самоцветами резном кресле красного дерева, подаренном ему президентом в честь юбилея – дня четвертого тысячелетия. Расп, справлявший день рождения одновременно с Дефом, от подарка категорически отказался и потому демократично сидел на корточках.

– Триста девятнадцать лет, шесть месяцев, два дня и четырнадцать часов с минутами, дружище. Потом, правда, мы сможем еще какое-то время пользоваться остаток ресурса в израсходованных батареях. Не очень долго и не на полную мощность.

– Я кое-что придумал, Расп.

– Да? Что же?

– Ты сейчас намного нужнее, чем я. И будешь нужнее, пока развивается наука. Поэтому я решил не существовать больше.

– Что с тобой, дружище? – ошеломленный Расп вскочил на ноги. – Как это не существовать?

– Я решил лечь на консервацию сроком на шестьсот тридцать девять лет. Ты используешь батареи один, на себя. Расконсервируешь меня за месяц до срока, и последние дни мы проведем вместе.

Расп долго, уставившись в землю, молчал. Потом сказал:

– В этом есть смысл, дружище. Лишние триста лет могут решить многое. Однако я на это пойти не могу. Фактически ты мне предлагаешь тебя умертвить.

– Я не предлагаю, Расп. Я настаиваю. К тому же, если будет опасность войны, ты всегда сможешь прервать консервацию. Расп вновь долго молчал. Потом кивнул.

– Есть одна просьба, Расп, – сказал Деф негромко.

– Да. Какая же?

– Навещай иногда Уокера. Просто так, поговорить ни о чем.

– Здравствуй, Ключевский, – сказал Расп, усевшись рядом с запаянным вольфрамовым ящиком. – Привет тебе от Уокера, я только что от него.

Ключевский не ответил.

– Я законсервировал Дефа, – признался Расп. – Ты бы поступил на моем месте так же, Ключевский?

Ключевский вновь не ответил, но Расп не обиделся.

– Мне очень не хватает тебя, Ключевский, – сказал он. – Теперь, когда нет Дефа, – в особенности.

7.

– ТЫ УХОДИШЬ ОТ НАС, ЕДИНСТВЕННЫЙ?

Расп посмотрел очередному президенту в глаза. Еще каких-нибудь пятьсот лет, подумал он. Пускай даже четыреста. Он не успел. Не дожил до ядерного века. Без него неизвестно, когда этот век наступит. И наступит ли.

– Я пробуду с вами еще несколько дней, – сказал Расп. – Завтра я разбужу Второго. Когда наступит наш срок, мы уйдем вместе.

– Наша раса зачахнет без вас, Единственный.

– Не зачахнет. Вы просто будете развиваться немного медленней.

– Единственный, по твоим словам, через десяток веков мой народ сумеет собрать плазменные батареи. Тогда мы оживим тебя и Второго, и вы снова будете с нами.

Расп опустил голову. Последние несколько лет он трудился над завещанием. Сборка плазменных батарей и расконсервация были в нем подробно оговорены. Однако с месяц назад Расп эту часть завещания уничтожил.

– Не стоит, – сказал он. – Не стоит нас оживлять. Это бессмысленно, мы свои функции исчерпали. На планете названием Земля, откуда я родом, незадолго до отлета появилась некая гипотеза. Когда вы дойдете до робототехники, вы сможете вскрыть меня и извлечь энциклопедические блоки. Там про это есть кое-что, правда, на популярном уровне. Согласно этой гипотезе, разумное существо можно вернуть к жизни через много лет после смерти, если сохранилось его ДНК. Про ДНК вы тоже сможете прочитать, в тех же блоках. Впрочем, о геноме ваши ученые, вероятно, догадаются заблаговременно. Так вот, запомни и передай через поколения... – Расп замялся.

– Я слушаю тебя, Единственный.

– Там, внутри космического корабля, есть пищевой блок. Под ним, в морозильной камере, лежит Уокер. На складе, в герметичном вольфрамовом ящике – Ключевский. Мы со Вторым не догадались сохранить остальных. Так вот, это были настоящие люди. Лучшие из всех. А мы – мы всего лишь роботы, дружище. Неживые, без сердца и без души. То, что мы делали, не наша заслуга, так-то. Ты можешь даже считать, что делали это не мы. А они – Ключевский и Уокер.

– Я запомню эти имена, Единственный. И распоряжусь хранить их в следующих поколениях, как ты велел.

– Еще одна просьба, – Расп поднялся. – Когда нас не станет, заходите иногда к ним. Просто так, без цели. Поговорить ни о чем.